
Галина Колоскова
Барби для
БАНДИТА
современный любовный роман

Галина Колоскова

Барби для бандита

https://litres.ru/74839967
SelfPub; 2026

Аннотация

Бархатный шёпот горячит кровь:

– Сладкая моя умницалюблю

Ленивая истома в каждой клеточке удовлетворённого тела. Момент, когда готов продать душу дьяволу, лишь бы не заканчивалось ночь, где рядом с тобой «единственный» на Земле. Твой мужчина!

Холод вокруг онемевшего тела. Мороз в душе и засасывающая темнота

Тьма его глаз, тьма его слов:

– Прости котёнок, но дальше каждый сам по себе. Рядом со мной слишком опасно. Хочу, чтоб ты выжила на руинах того, что сейчас называют Советским Союзом

Кажется, сердце остановилось, но это не страшно. Для чего ему биться дальше?

От автора: Основано на реальных событиях.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	58
Глава 8	64
Глава 9	72
Глава 10	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Галина Колоскова
Барби для бандита

Барби для заливки

Пролог.

— Иди сюда! — рука, протянутая к официантке, заставила девушку дёрнуться в сторону.

Она налетела на угол противоположного стола. Тарелки с подноса полетели на пол. Объятая ужасом официантка испуганно смотрела по сторонам.

— На счастье! — закричал кто-то из пьяных гостей.

— Горько!

— Ох и горько! Подсластить бы!

Свадьба одного из криминальных авторитетов металлургического городка проходила с помпой в просторном зале ресторана «Урал». Столы ломились от дорогих закусок. Шампанское с коньяком лились рекой. На сцене пел приглашённый из Москвы известный певец.

Любому стороннему наблюдателю торжество могло показаться путешествием в прошлое. Словно не было в стране пустых витрин и продуктовых карточек.

Удвоенный штат официантов сновал между столиками татуированных гостей в дорогих костюмах. Несколько свободных сотрудников жались перед кухней, обсуждая происходящее.

— Ничего себе размах.

— А кто это?

— Миша Донец. Из авторитетов.

— Невеста — девочка совсем. Он же старше её в два раза.

— Зато ни в чём отказа не будет. Богатый мужик.

— Погляди, с каким обожанием девчонка на него смотрит. Не из-за денег. Любит.

— Тебе-то откуда знать?

— Смотрела бы она так на меня, женился бы не раздумывая.

— Тебе такая красотка не светит. Всё на месте, не плоскодонка.

— Я бы за её грудь подержался…

В другом конце зала сидевший за столиком гость не сводил взгляда с невесты. Парень лет двадцати пяти. С мощной, развитой мускулатурой и дерзким взглядом серых глаз.

— Слюни подбери, Колян. Будто баб до сих пор не видел.

Тот процедил, сам не радуясь творящемуся в душе:

— Такую — нет!

— Ты чё, запал? — сидевший рядом парень с толстой золотой цепью и большим крестом заржал в голос. — Твоя Нинка этой малолетке двойную фору даст. Там учить и учить. Стопудово целка ещё!

Коля не слышал слов друга, мысли крутились вокруг сероглазки.

— Где он её нашёл?

— Говорят, отец отдал за долги. Знакомы они с детства. Донец её нянчил когда-то. Теперь драть будет!

— Не засвеченная… — желваки ходили по широким ску-

лам молодого бандита. — Знай раньше, забрал бы себе.

— Ты что, дурак? — Макс опешил, видя, что друг настроен решительно. — Раз давно глаз положил, берёг для себя.

— Как думаешь, продаст? — Коля наклонился вперёд, словно хищник, втягивая запахи от стола молодожёнов.

— Даже говорить не станет. Его люди тебя на перо посадят, не рыпайся. Свою бабу никому не отдаст. Молоды мы ещё на таких, как он, пасть разевать.

Коля выдвигал одну за другой версии отъёма блондинки:

— Донец — игрок, а я фартовый. Может, поставит жену на кон?

— Если только останется без штанов. Но он твёрдо стоит на ногах.

Молодой бандит был слишком самонадеянным.

— Всё меняется, Макс! Скоро наше время придёт!

— Вот тогда и пробуй. Если не передумаешь.

Качан качал упрямой головой:

— Не передумаю! Девка станет моей!

Максим оглянулся на соседний столик:

— А сейчас прекрати на неё пялиться, если хочешь дожить до лучших времён. Малыш, шавка Донца, с тебя глаз не сводит.

— У нас с ним тёрки были пару дней назад. На стрелку не приехал, ссыкло стокилограммовое. — Коля смотрел, как жених вышел из-за стола следом за рыжей девкой. Невеста сидела одна.

Он стукнул кулаком по заставленной едой столешнице:

— Зная Донца, боюсь, сломает девочку. Раньше бы встретить, хоть на день… — отчаянный взгляд на друга детства стал криком души единственному, кому доверял как себе. — Веришь в любовь с первого взгляда? Это, сука, она! — Бандит покачал головой. — Ничего не могу с собой поделать.

— Что ты задумал? Не совершай того, о чём пожалеешь! — Макс схватил его за рукав. — Сиди, не по понятиям из-за бабы…

Коля встал, заметив, что невеста вышла из-за стола.

— Я сейчас.

Он шёл следом за красивой блондинкой в белом платье, на ходу придумывая план действий. У Качана был домик в деревне бабки, о котором никто, кроме Макса, не знал.

— Качан… — тихий шёпот из подсобки отвлёк внимание. — Помоги… Братан…

Коля сплюнул. Как не вовремя всё, но в помощи отказать не мог.

Он не раздумывая шагнул в тёмную комнату. В нос ударил сладкий запах крови. На полу, раскинув руки, лежал раненый официант с финкой в боку.

— Что за ху…

Качан не успел договорить. Уже в его собственный бок воткнулось острое лезвие. Он обернулся к нападающему и получил ещё один удар, в грудь. Всё вокруг потемнело. Закружились, наваливаясь сверху, стены, и Коля упал. Перед

глазами стояла счастливая улыбающаяся невеста, зовущая за собой…

Глава 1

Галя купалась в нежных объятиях мужа. Поцелуи в шею, в маленькое ушко. Бархатный шёпот горячит кровь:

— Сладкая моя… умница… люблю…

Ленивая истома в каждой клеточке удовлетворённого тела. Момент, когда готов продать душу дьяволу, лишь бы не заканчивалась ночь, где рядом с тобой единственный на Земле. Твой мужчина!

Холод вокруг онемевшего тела. Мороз в душе и засасывающая темнота… Тьма его глаз, тьма его слов:

— Прости, котёнок, но дальше каждый сам по себе. Рядом со мной слишком опасно. Хочу, чтобы ты выжила на руинах того, что сейчас называют Советским Союзом…

Кажется, сердце остановилось, но это не страшно. Для чего ему биться дальше?

Шины шасси чартерного рейса с отвратительным визгом коснулись убитой полосы аэропорта восточной страны. Самолёт с группой челночниц из уральского городка подпрыгнул несколько раз и, дрожа на стыках плит, покатился к бетонному одноэтажному зданию.

Из багажных полок над головой полетели вещи.

— Аккуратней можно? Не картошку везёшь!

— Ай! Чья сумка мне на голову приземлилась?

— Последние мозги отбила!

— Предупреждать надо!

Недовольные возгласы постепенно стихли. Растерянные пассажирки с недоумением смотрели на место посадки.

— В какую жопу мира мы прилетели?

— Это обещанная Сирия?

— Что-то не похоже.

— Где мы?

— Лида, сука, куда ты нас привезла?

Все обернулись в хвост, где сидела организатор поездки.

— Без паники! Это Газиантеп, — невысокая полноватая женщина с закрученными в пучок чёрными волосами поднялась с места. — Здесь отдохнём в отеле. Отдадим паспорта на оформление автобусного тура и отправимся дальше.

— Почему в Трабзоне молчала?

Лида выставила вперёд маленькие ладони, защищаясь от упрёков двенадцати женщин и одного мужчины:

— Узнала перед самым вылетом. Аэропорт в Сирии отказался принять наш рейс.

— Это что за жуть! — возглас одной из пассажирок заставил всех приникнуть к иллюминаторам левого борта.

Перед самолётом собралась толпа мужчин. На шее одного болтался живой баран.

— Кто это?

Недоумение появилось на лицах шокированных челноков, летевших на коммерческом рейсе. Вместо торжественной встречи с телевидением — пляски с животным?

— Что они собираются делать?

— Это жертвоприношение?

— Не могу на это смотреть…

— Бабы, натягиваем платья с туфлями, что набрали по сто баксов, и идём скакать с Будулаями! — ржала вечно пьяная Таня.

Остальным было не до смеха.

Вокруг трапа устроили пляски. Баран дёргался, пока ему резали горло. Кто-то в салоне завизжал от страха. Галя отвернулась, не в силах смотреть на дикость, творящуюся за бортом. По фюзеляжу стучали вымазанные кровью ладони. Пение горластых мужчин проникало сквозь открытую дверь.

— Ну чего перепугались? Городок маленький. Обрадовались, что сел самолёт с иностранцами, — бодро вещала Лида. — Приветствуют по своим обычаям!

— Типа нашего хлеба с солью? — Качан, высокий черноволосый здоровяк, единственный мужчина в малиннике, невозмутимо взирал на происходящее.

— Именно так! Давайте на выход! — Лида двинулась к выходу из самолёта. — Нужно успеть засветло до отеля. Поужинать, заселиться в номера. Отдохнём, а завтра осмотримся. — Она первая шагнула на трап, продолжая на ходу: — Узнаю, на какое число организуют поездку. Сдавайте паспорта, чтобы потом не искать по отелю.

— Оформимся и отдадим.

Остальные нерешительно выходили из самолёта.

— До здания аэропорта как добираться? — Галина прикинула расстояние до бетонной коробки с тремя стёклами. — Стоим далеко.

Лида развела руками:

— Ножками!

— Пробираться через ненормальных в крови?

— Закрой глаза и пили наощупь метров десять!

Галя тяжело вздохнула. Не получится. Турки налетят как саранча на высокую голубоглазую блондинку. Она не тощая, как подруга Люся, её трудно не заметить.

— Галчонок, давай помогу, — Качан забрал из рук тяжёлую сумку с вещами.

Её личный ангел-хранитель во всех поездках всегда был рядом. Никаких приставаний или намёков, хотя Галя не раз ловила на себе заинтересованный взгляд серо-зелёных глаз. Она начинала верить в дружбу между мужчиной и женщиной.

Порыв тёплого ветра облизал статную фигуру. Платье в пол облепило длинные ноги. Блузка обтянула высокую грудь. Волосы рассыпались светлыми прядями по плечам. Послышалось чмоканье сластолюбивых губ мужчин, не сводящих глаз с русских красоток.

— Началось в деревне лето, — Галя ступила на бетонку. Уходящее в закат солнце слепило глаза. Запах крови вызывал тошноту.

— Не останавливайся! — подгонял Коля, дыша в затылок.

— Если что, прячься за меня!

Сбежать незамеченной не удалось. Она прикрывала ладонями голову. К волосам тянулись окровавленные руки. Свободную от ткани кожу щипали грязные пальцы.

— Руки убери, козёл!

В ответ раздался смех от людей, не понимающих ни слова по-русски. Паника и страх гнали вперёд. Турки кружили как коршуны, впервые в жизни увидев белых женщин.

Галя бежала, наталкиваясь на потные тела крепких мужчин. Сердце стучало, отдавая шумом в виски. Она отбивалась из последних сил, мечтая оказаться в укрытии.

Двери спасительного автобуса захлопнулись за последней беглянкой. Машина тронулась, увозя женщин подальше от участников дикой традиции. Челночницы смотрели друг на друга круглыми глазами. Лица, одежда, волосы — всё было перемазано кровью.

Таня громко рассмеялась, уставившись на соседку:

— Ну и рожа у тебя, Шарапов!

— На себя посмотри.

Галина с отвращением осмотрела блузку:

— Будто на бойне побывали. — Она разглядывала в окно небольшой городок с низкими постройками. — Лида, если нас станут провожать так же весело, я начищу тебе морду. Знала бы, куда попаду, — осталась бы дома. На хрен нужна такая Сирия!

— Вот так поездочка. Умные уехали, красивые остались!

— Мария Васильевна вытирала лицо. — Я-то, дура старая, какого попёрлась? Звезда экрана. Уже к Казани подлетала бы.

Автобус быстро пролетел по узким улицам города и свернул на просёлочную дорогу.

— Куда нас везут?

— В загородный отель. Там уже ждут, — Лида успела привести себя в порядок. Смоченным водой платком женщина протирала складки на шее. — Мне объяснили, что за городом собираются богатые люди из окрестных мест. Такой дикости там не будет.

— Не нравится мне всё это! — Качан склонился к уху Галины. — Попроси номер рядом со мной и постарайся не выходить. Осмотрюсь и попробую узнать о городке.

Они выходили из автобуса, разглядывая длинное двухэтажное здание буквой «Г» с мансардой. Все окна были плотно зашторены. Во дворе — ни одного человека.

— Где все? Мы что, единственные постояльцы?

— Днём жара. Спят, наверное, — не унывала оптимистка Лида.

Галя смотрела вслед уходящему за горизонт солнцу:

— Какая жара? Вечер давно.

Большие железные ворота с грохотом отошли в сторону. Два крепких турка приветливо улыбались, обнажив белые зубы в хищном оскале.

Сердце сжалось в предчувствии беды. Галя попятилась,

наткнувшись на плотоядный взгляд одного из охранников. Автобус за спиной дёрнулся, обдал людей облаком пыли и рванул в сторону города, оставляя русских один на один с неизвестностью…

Глава 2

— Ну и чего застыли? — Лида смело шагнула к охранникам.

Короткий разговор на турецком, и женщина обернулась, сверкая зубами:

— Проходим, нас уже ждут. Устраиваемся и на ужин. Шведский стол в ресторане для нас!

— Наливать будут? — Таня хрюкнула в предвкушении всеобщей пьянки.

— Да, всё включено, — Лида нахмурилась. — Но сильно не налегай. Кто тебя потом в номер утащит?

Крашеная блондинка, покачивая бёдрами, не спеша направилась к воротам.

— Не боись, — Таня подмигнула туркам. — Не пропаду, если что, донесут!

— Стоять — ноги мучить, — Качан кивнул в сторону укороченной части отеля. — Идём, но помни, что я говорил. Номера берём рядом или хотя бы на одном этаже, — в голосе появилась непримиримая жёсткость.

— Думаю, жилые все на втором или в мансарде. Первый под развлечения, — Галя чувствовала кожей жадные липкие взгляды. — Осталось узнать, кто приглашён на праздник. — Её оценивали как скаковую лошадь, только что в зубы не заглянули. — Посмотри, как цокают языками. Столько белого

мяса привалило.

— Барби…

Она оглянулась. Один из черноглазых красавчиков изобразил поцелуй, гипнотизируя взглядом. Девушка фыркнула, радуясь, что этого не видит Качан.

Все потихоньку поплелись следом за Колей. Единственный мужчина в компании внушал доверие и, конечно, был лидером.

Плохо освещённый холл с низкими диванчиками у входа, тяжёлые бордовые портьеры на окнах — место совсем не походило на гостиницы Трабзона и Стамбула. Заспанный молодой турчонок за стойкой ресепшена на ломаном английском попросил приготовить документы.

— Не забудьте после оформления отдать паспорта, — Лида уселась на диванчик. — Завтра займусь автобусом.

— Мёртвое царство какое-то. Ничего не понять, — Мария Васильевна оглядывалась по сторонам. — Где все? Никто не снуёт, хотя чисто, прибрано. Интересно, что за номера тут у них.

— Хорошие, я рекламки смотрела, — Лида приготовила лист бумаги. — Перепишу, где кто, чтобы потом не рыскать.

— Сейчас сами увидим, — Таня первая получила ключи. — По мне, так классно, и запах знакомый в воздухе витает. — Она заржала: — Сексом несёт!

Галя переглянулась с Качаном. Пахло действительно странно. Она посмотрела на номер брелока: «Двадцать тре-

тий».

Малолетка-администратор не опустил ключи в руку, а вложил, коснувшись пальцами ладони.

Дёргая кисть, она пробормотала, покачивая головой:

— Стручок толком не отрастил, а туда же.

Здоровяк рыкнул, наваливаясь грудью на стойку и моментально стерев с худого лица недоноска озабоченную улыбку.

— Не трогай его, Коля. И так чуть не уссался от страха. Бери ключи, и поехали наверх, — Галя, не оглядываясь, направилась к лифту. — Охренеть сервис. Впервые открытое домогательство.

Качан хлопнул тяжёлой ладонью по чёрной столешнице и подмигнул испуганному администратору:

— Давай ключи, чтобы номера были рядом! Ещё раз дотронешься до неё — оставлю без рук!

— А паспорта? — подала голос Лида, бросив взгляд в спины отделившейся парочки.

— Потом занесём.

Подняться на один этаж — дело минуты. Они успели перекинуться парой фраз:

— Ты прав, что-то с этим отелем не так.

— С самого начала поездки всё не так. Я говорил, нужно возвращаться в Россию. Вот тебе и Дамаск.

Она тяжело вздохнула. Ей хотелось посмотреть столицу страны, где жили предки первой любви.

— В который раз убеждаюсь, ты всегда прав. В такую

срань прилетели. Часы до отъезда буду считать.

Он придержал её за руку у дверей номера:

— Есть идём?

— Я сначала в душ. Смыть с себя кровь и дерьмо от всех мужских лап, — Галя скривила губы, заметив, как дрогнула рука мужчины на её локте. — Я про турецких, не про наших.

— Без тебя не пойду, но не затягивай. Жрать хочу — жуть!

Номер на удивление оказался неплохим. Поражал размер огромной кровати и три комплекта принадлежностей. Это не совдеповская гостиница — никто не станет сверять фамилии в паспортах, и, похоже, постояльцам здесь разрешено оставаться на ночь.

Качан ждал под дверью. Ненавязчивое присутствие рядом сильного человека успокаивало. Галя начала привыкать к мужчине, о котором в принципе ничего толком не знала.

— Галчонок, где сядем — в ресторане или на террасе?

— Без разницы, — она тряхнула не совсем просохшей светлой копной волос. — Я что-то не заметила столиков во дворе.

— Сейчас удивишься.

Галя замерла на пороге, не веря глазам. За какие-то сорок минут всё во дворе изменилось. На террасах стояли накрытые скатертями столики, в беседках в саду — тоже. Разноцветные лампы гирлянд мягко освещали пространство. И самое главное — появились люди: богато одетые мужчины,

женщины в белых нарядных одеждах. Помимо пива на столах присутствовало вино.

— Глазам не верю! — Она чуть не сделала шаг назад, но упёрлась спиной в широкую грудь Качана. — Коля, откуда взялись все эти небесные создания?

— Посмотри на парк машин на стоянке. Люди небедные.

— Это я уже поняла, но что они здесь делают? — девушка растерянно скользила взглядом по разодетым гостям. — Лучшая кухня на районе?

— Тот же вопрос, — в голосе здоровяка появилась сталь.

— Ну эти хоть барана резать не станут, как дикари на взлётке.

— Идём за свободный, — он кивнул на столик в центре террасы. — Такими темпами скоро сесть будет негде.

Они моментально оказались под перекрёстным огнём множества взглядов. Галя поправила шифоновый палантин, укрывавший голые плечи и полноватые руки:

— Со мной что-то не так?

Качан насупился, отвечая грозным взглядом на настойчивое внимание местных мачо:

— Всё с тобой нормально, эти идиоты будто белую бабу впервые увидели.

К ним тут же подошёл официант, который начал лепетать на турецком, показывая в сторону ресторана.

— Чего он хочет? — Галя нахмурилась, закрывая руками неглубокий вырез платья.

— Сам не пойму. Подожди, пойду узнаю, что там.

Жадные взгляды прожигали спину. Она оглянулась: двое мужчин направлялись к её столику. Галя подскочила, испытывая непонятный страх, и рванула за другом:

— Я с тобой! Не хочу оставаться одна.

Развязный смех пьяной Тани из ближайшей беседки только придал ускорения.

— Вы куда пропали? — с тревогой во взгляде их встретила Лида у входа в большой зал. — Ужинаем здесь. На террасе все столики зарезервированы, там не станут обслуживать.

— Уже поняли!

Организаторша отступила назад, встретившись со злым взглядом серо-зелёных глаз Качана. Галя впервые видела мускулистого друга до такой степени резким. Его явно раздражало неизвестное место.

Еда была вкусной, а самое главное — горячей и свежей. Их группу действительно ждали.

— Да чтоб тебя! — Галя смотрела на расплывающееся по нежно-голубому платью томатное пятно. — Криворотка! — Салфетки не помогали, и она подскочила. — Я в номер, попробую застирать.

На ресепшене никого не было. Лифт моментально распахнул двери. Она выскочила из железной коробки, столкнувшись нос к носу с администратором. Хлюпик загадочно улыбался, но руки не распускал.

Галя открыла замок и, не включая свет, рванула в ванную

комнату, но не успела сделать и пары шагов, как была схвачена за талию и брошена на постель.

Туфли полетели в сторону, ткань затрещала. Паника участила сердцебиение, липкой лавиной разлившись по позвоночнику. Она не могла видеть лица нападавшего — только запах дорогого парфюма с нотками табака и апельсина. Слышала тяжёлое дыхание, перемежавшееся с бормотанием на турецком. Из потока слов разобрать удалось только одно:

— Барби…

От этого становилось ещё страшнее. Галя брыкалась, отбиваясь от светлого силуэта, пытавшегося раздвинуть ей ноги. Удар по лицу отдался звоном в ушах. К вискам прилила кровь. Она не чувствовала боли, её накрыла чистая ярость.

— Отпусти! — громко закричала девушка, с силой вдавив пятку в твёрдый пах нападавшего. — Я покажу тебе «Барби»! — вторая нога впечаталась в наклонившуюся голову.

Раздался вскрик боли, перешедший в рычание. Захват рук ослаб. Галя смогла вывернуться и, соскочив на пол, метнулась к двери, моля Бога, чтобы та оказалась открытой.

Она визжала, выскочив в коридор и от страха потеряв ощущение реальности. Перед глазами всё плыло. Девушка словно со стороны наблюдала ринувшегося в номер Качана, Лиду, администратора и охранника.

— Чего орёшь? Платье порвано. Сиськи набок. Трусов нет. И кричит как заполошная, — приземлённый голос Марии Васильевны вернул в реальность.

Качан уже держал за ворот рубашки одного из хозяев отеля. Нападавший охранник лежал вырубленным на полу.

Она сжала кулаки, до крови впившись ногтями в ладони. Невыносимо хотелось ещё раз пнуть сволочь в рожу, но кто-то должен включить голову. Галя прикрывалась руками, уговаривая разъярённого здоровяка:

— Коленька, отпусти это говно. Вызовут полицию, и мы же останемся виноватыми.

— Для начала шею ему сверну! — он с презрением цедил слова в перекошенную рожу кудрявого красавчика. — Кто тут кого вызывать станет? Позор мужику. И бабу подмять не смог и по роже огрёб.

Турок верещал, выпучив шары на Лиду. Та отвечала так же быстро. Всё что Галя смогла разобрать:

— После!

Глава 3

— Не останусь здесь ни на минуту! — Принявшая душ и переодевшаяся Галя скидывала вещи в сумку. На щеке горело пятно от пощёчины. — Скотина! В России милицию бы вызвала, а тут…

— И что менты могли сделать? — развалившийся в кресле Качан хмыкнул. — Замучилась бы их приезда ждать. Хором за это время трахнуть успеют. И таких упырков они не трогают. Деньги в любом уголке мира решают всё!

Она резко обернулась:

— Не поняла, ты пришёл мне помочь или как?

Он не спеша поднялся:

— Этим и собираюсь заняться. — Коля вырвал сумку из рук девушки. — Хернёй не страдай! Выйдешь за порог и там нарвёшься не на хозяина гостиницы, а на толпу голодных дикарей!

Галя попробовала вернуть почти собранную поклажу:

— Всё равно! — она шмыгнула носом и разревелась, упав на край кровати. — Знаешь, как я себя сейчас чувствую? Кем вообще я себя ощущаю, стоит самолёту сесть в Трабзоне или Стамбуле?

Большие плечи Николая дрогнули:

— Откуда мне знать? Не обладаю я таким роскошным телом и красотой, уж прости, — он развёл руками. — Не по-

нимаю, зачем вообще ты мотаешься в Турцию?

Она огрызнулась:

— Жрать хочу! И маме помогать нужно. На пенсию не разгонишься, а наше кафе закрыли.

— Иди в другое.

— В забегаловку? Там та же песня. Каждый хромой, горбатый огрызок старается прижать в тёмном месте к тёплой стенке.

— Выходи замуж!

Галя перестала реветь, вскинув голову и глядя на малознакомого мужчину. Такой откровенный разговор между ними состоялся впервые.

— Я там была.

Чёрная бровь взлетела вверх. Качан нахмурился:

— И что, не понравилось?

— Очень понравилось, но… — она прятала взгляд. — Муж развёлся со мной как раз перед развалом Союза.

Серо-зелёные глаза удивлённо взирали на аппетитную блондинку.

— Развёлся с тобой? — Коля хмыкнул, присаживаясь рядом на кровать. — Да ну, не верю!

Она, обречённо вздохнув, кивнула.

— У него что, глаза на жопе? — он хохотнул, до сих пор не веря её словам. — Таких, как ты, не бросают.

— Как видишь, — она промокнула под глазами и высморкалась в протянутый платок. — Муж сказал, что это ради

моего блага. Думаю, он вернётся. Жду его.

Галя оглянулась по сторонам, прежде чем прошептать:

— Он бандит. Криминальный авторитет, как сейчас говорят.

Качан громко рассмеялся:

— По ушам он тебе втёр! Для авторитета похер мнение других. Если только он не вор в законе.

— Нет, не вор… — она недоверчиво смотрела в хищное лицо здоровяка. — Он не мог мне врать. Любил очень!

— Поэтому ты ни на кого внимания не обращаешь? Из-за козла, что тебя кинул?

Сердце сжалось от незаживающей боли. В душе клокотало возмущение. Галя вскочила с постели и в несколько шагов оказалась у выхода, широко распахнув дверь:

— Пошёл вон!

Коля опешил. Его, спасителя и покровителя, бесцеремонно гнали за порог.

— Что?

— Что слышал! Пошёл вон! Никто не смеет плохо говорить про моего мужа!

Он ухмылялся, понимая, что наступил на больную мозоль:

— Бывшего мужа!

Она смолчала, до крови закусив губы. Короткое, через рвущие душу слёзы:

— Пошёл вон!

Качан нехотя поднялся, всем видом давая понять, что делает одолжение, понимая, насколько ей сейчас больно. Ухмылка не сходила с жёстких губ.

— Ты такой же, как все! Похотливый козёл! — бросила Галя и была поражена, услышав ответ.

— А ты сомневалась? — Он по-прежнему улыбался. — Я тяну взятые на себя обязательства. Ещё месяц — и поговорим по-другому. Имей в виду, ты моя! — Мужчина кивнул на сумку у кровати. — Попробуй дёрнуться из отеля! Я не шучу, врубай голову. Этот упырь уже извинился передо мной. Сказал, что живём бесплатно. В России я бы его прикопал, но из этого городишки нам надо выбраться живыми. Потом разберусь с ним.

Она задыхалась, возмущённо выговаривая:

— Не передо мной!

Хищная ухмылка совсем незнакомого ей человека стала ответом. Он проговаривал по слогам:

— Турки не извиняются перед женщинами.

Галя была уверена, что себя Качан относит к тем же сволочам.

Он вышел, бросив на пороге, как будто ничего не случилось:

— Подопри изнутри дверь стулом под ручку и никуда не выходи! Утром я за тобой зайду. Попробую узнать, что за отель и как нам добраться до Стамбула. Завтра решим, что делать дальше!

Она несколько секунд простояла, открыв рот. Будто не выгнала Николая, а он сам вышел, на прощание выдав ценные указания.

Вот и закончилась сказка о дружбе между мужчиной и женщиной. А так хорошо всё начиналось. Осталось узнать, перед кем и какие обязательства он выполняет?

Галя вздохнула, послушно выполняя те самые указания. Загнала стул под ручку и несколько раз дёрнула дверь, проверяя. Пусть не железная защита, но незаметно не зайдут. Жаль, что не сможет больше поговорить с Качаном открыто. Среди девчат тоже подруг не завела. Поездка будет по-настоящему деловой и скучной. Сердце кольнуло — успела привыкнуть к общению.

Она подошла к зеркалу, пытаясь понять, что сейчас произошло? Почему Коля так изменился за несколько минут? Не понравилось, что была замужем, или решил, раз разведёнка, можно использовать? Слова «ты моя» что означают? Вопросов куча, ответ может дать только он сам или время.

В отражении на неё смотрела высокая, статная блондинка двадцати трёх лет. Светлые волосы ниже покатых плеч, серые глаза, прямой нос, умеренно пухлые губы. Грудь третьего размера. Симпатичная, но не более. Назвав её красавицей, Качан бессовестно льстил.

Она протопала к окну. Осторожно выглянула во двор через отодвинутые шторы. Внизу темнели террасы и слабо освещённые беседки. Звучала негромкая восточная музыка,

слышался смех довольных людей. Тем, кто собрался внизу, было намного лучше, чем ей.

Робкий, но настойчивый стук в дверь заставил нарушить приказ Качана. Галя, не открывая, прислушалась. Послышалось шмыганье носом и женское лопотание с азиатским акцентом:

— Откройте, это горничная. Меня просили вам передать.

Галя размышляла несколько секунд. Не было слышно шагов или присутствия посторонних. Убрав стул и на всякий случай крепко сжав спинку, она приоткрыла створку. В коридоре стояла вьетнамка средних лет с огромным букетом в руках, а у её ног стоял сервировочный столик.

— Что это? — Галя кивнула на цветы, шампанское и клубнику на застеленной белой скатертью столешнице.

— Хозяин просил передать извинения.

Галя решительно захлопнула дверь, но снова открыла, услышав плач.

— Пожалуйста! — упрашивала невысокая миловидная женщина. — Иначе меня уволят.

— Что он хочет?

— Просил передать, что его неправильно проинформировали. Перепутал номер, приняв вас совсем за другую женщину!

Информация не клеилась. На этаже поселили только русских. Разве что турок решил заглянуть к Тане, чей номер находился через стенку?

Она отошла в сторону, приглашая:

— Заходи!

Тележка, гремя посудой, въехала в центр комнаты. Вьетнамка всучила в руки постоялицы огромный букет красных роз, а сама метнулась в ванную комнату заполнять вазу водой.

Галя не удержалась, ткнулась носом в нежные лепестки, втягивая аромат едва распустившихся бутонов.

— Хоть и от сволочи, но приятно… — Она разглядывала огромный торт из взбитых сливок и фруктов. — Обожаю турецкие сладости!

Недавно собранная клубника исходила ярким ароматом. Горничная поставила вазу на туалетный столик:

— Красиво!

— Не надо такой красоты, лишь бы рожу его больше не видеть. — Галя макнула ягоду в креманку со сливками и отправила в рот. — Вкусно…

Вьетнамка опустила взгляд, пятясь к выходу.

— Как тебя звать?

— По-вашему — Саша.

— Откуда знаешь язык?

— Училась.

Галя отвела взгляд, протянув:

— М-да… — Больше спрашивать ничего не стала. Развал Союза многим переломал жизнь.

Она заперла дверь, не решаясь позвать кого-нибудь в го-

сти. Торт ушёл в холодильник. Открытое шампанское следовало выпить. Галя налила полный бокал, чокнулась с зеркалом и снова выглянула в окно, услышав, как кто-то на улице неплохо поёт любимую песню Тото Кутуньо.

Она отпрянула, пролив на себя игристый напиток. Задрав голову вверх, прямо в её окно смотрел недавний насильник. Это он исполнял для неё серенаду…

Глава 4

Галя выключила свет, давая понять неудавшемуся Дон Жуану, чтобы оставил её в покое. В собственном номере девушка оказалась в осаде. Дверь была подпёрта стулом, Галя прислушивалась к каждому шороху в коридоре. Вокруг стояли потёмки. Шикарный отдых перед поездкой в Сирию!

В темноте в голову лезли невесёлые мысли. Верить, что муж бросил её, придумав невероятную причину, не хотелось. Он слишком многое дал и оставил. Женившись на глупой девочке с разбитым сердцем, мужчина научил её ценить себя и выживать в любых условиях. Из материального, кроме квартиры, гаража и дачи в уральском городке рядом с Казахстаном, остался почти стакан золотых изделий. С лёгким сердцем Галя рассталась со всем имуществом, кроме квартиры, чтобы начать бизнес. Возле трёх самых крупных универмагов уже работали продавцы, торгуя её товаром с лотков. Ещё немного, и она сможет купить новую квартиру маме — переселит её с левого берега города на правый, ближе к себе…

Усталость, стресс, бессонная ночь в Трабзоне — казалось, только коснётся голова подушки, и Галя моментально уснёт. Но она провалялась до утра, мучимая воспоминаниями и криками за стеной, сопровождавшимися стуком кровати. Таня принимала гостей, задействовав все три комплекта банных принадлежностей.

В сердцах вырвалось:

— Напилась, тварь, до поросячьего визга, делай с ней что хочешь! Вот из-за таких сук русских баб и считают шлюхами…

Галя открыла холодильник, где тоже было чем залить глаза, но сразу закрыла дверцу. Стоит начать пить — захочется закусить, и тогда вообще не уснёшь. Проще допить шампанское, что осталось в фужере. Она закрыла уши руками и наконец уснула.

Кто-то громил дверь, но вставать не хотелось. Отказывались разлепляться веки, налитые тяжестью. Вроде только уснула минут пятнадцать назад, и вот…

— Иду, дверь не ломайте! — сказать оказалось проще, чем сделать.

Ноги не слушались. Чуть не ползком добралась до выхода, по пути накинув халат. Поднялась, опираясь ладонями о косяк, и, отодвинув стул, открыла замок. На пороге стоял разъярённый Качан.

— Я пятнадцать минут под дверью долблюсь! Хотел ломать. Не знал, что и подумать! — мужчина говорил, а его глаза шарили по постели, оглядывая комнату.

Галя усмехнулась, понимая ход его мыслей:

— Под кроватью проверь, в ванной и в окнах. — Издёвка послужила подсказкой.

Он отодвинул девушку в сторону и так и сделал: осмотрел по очереди всё, даже шкафы. У окна мужчина замер особен-

но надолго.

— Кто переломал цветы в палисаднике? Трава примята… — Кивком Качан указал на букет: — Это откуда?

— Принесла горничная. От хозяина, извинения.

Он сверлил взглядом её заспанное лицо:

— Что ещё?

Галя вздохнула, предвидя скандал:

— Шампанское, клубнику, сливки и торт.

— Что пила, ела?

— Клубнику. Шампанское под утро, когда уснуть не могла.

— Твою мать! — раздалось рычание перед броском к холодильнику. — Хорошо выспалась, аж еле стоишь?

Она встряхнула головой, начиная догадываться, к чему он клонит:

— Башка трещит, и нет сил шевелиться.

— Теперь представь, что было бы, выпей ты всё и оставь дверь открытой!

Галя застонала, зажав виски ладонями и наблюдая за действиями Коли. Шампанское, торт, остатки сливок, клубники и даже букет полетели в мусорное ведро.

— Чего непонятного было в словах: никому не открывать дверь?

— Она плакала, сказала, что иначе её уволят! — на ум слишком поздно пришли мамины слова: «У тебя плачут — просят, а ты плачь, но не давай!»

Одна неприятность шла за другой, и не было видно им конца и края. Девушка опустилась на стул, сама чуть не заревев:

— Боже, какая я дура. Вечно жалею всех. Опять тебя не послушала.

Качан прорычал:

— Это точно. Дуй в душ. Я сейчас!

Галя выключила фен и сразу услышала шум за приоткрытым окном. Она выглянула во двор. Хозяин отеля, насильник и певец в одном лице, пинками гнал администратора в сторону ворот, громко крича при этом. Парень уворачивался от ударов и что-то визжал, отчаянно жестикулируя.

Она успела переодеться, когда дверь отворилась.

— Закрываться не надо? — Качан стоял на пороге.

— Не соображаю сегодня совсем. Думала, закрыла за тобой.

Он оседлал стул спинкой вперёд и, сложив на неё руки, упёрся в них подбородком:

— Галчонок, ты розовые очки сними! Не в сказке живёшь, а тем более сюда попала — не в избушку на курьих ножках.

— Ты что-то узнал? — она защёлкнула вторую заколку в приподнятых волосах. Серая пластмасса подчёркивала цвет глаз.

Качан, не скрываясь, смотрел на длинную шею девушки:

— Тебе идёт, но нашла место, где сверкать телесами.

— Я всегда так хожу в Стамбуле.

— Не сравнивай.

— Я сейчас наблюдала в окно, как этот свинья гнал адмиона. Что случилось?

— Это хлюпик подбодяжил снотворного в шампанское.

— Что? Этот сморчок?

— Оприходовал бы, и не узнала кто. Вот тебе и сморчок.

Она застонала, схватившись за голову:

— Боже, как я хочу отсюда убраться!..

— Есть шанс. Наш чартер до сих пор стоит в аэропорту. Лётчики забухали, в Россию не могут вернуться без нас. По крайней мере, сразу.

— Что значит «по крайней мере»?

— Это вторая часть. — Мужчина смотрел в побледневшее лицо, не опуская взгляда. — Если бы ты спала в другой части отеля, то наслаждалась бы сейчас охами и вздохами.

— Это как?

— Каком кверху, и не только.

Узкие брови Галины сошлись у переносицы:

— Что? Прекрати говорить загадками! — Ей не хотелось верить в услышанное.

— Чпокаться сюда приезжают богатые турки, — Качан похлопал ладонью по ребру кулака.

— Это точно?

— Судя по тому, что я слышал ночью, — да! Не знаю, привозят шлюх с собой или тут покупают, но точно!

Галя шлёпнулась на кровать:

— Вот почему по три халата и зубных щётки в ванной. Если бы я не подставила стул, то… — она вытаращила глаза. — Он же мог меня продать?

— Это вряд ли. Этот мразь — племянник хозяина, не посмел бы. Раз ты дяде зашла, племянничек сам бы попользовался втихаря и свалил.

— Спасибо, что подсказал подпереть ручку.

Качан поднялся, протягивая руку:

— Проехали. Пошли поедим, пусть видит, что ты в порядке. Потом я с ним разберусь.

— Не трогай его. Лишь бы удрать отсюда.

— Почему? — Он зыркнул на неё с таким презрением, что девушке захотелось провалиться сквозь землю. — Запала на богатого чурку?

Галя ловила ртом воздух. Она замахнулась, собираясь влепить пощёчину, но рука попала в захват крепкой ладони. Коля дёрнул спутницу на себя:

— Что, за живое задело?

— Отпусти! — шипела она в недовольное лицо мужчины. — Я сама не бедная, чтобы продаваться. Ты меня с кем-то попутал!

— Таня тоже с деньгами.

Он взирал исподлобья, но руку не отпускал. Качан впечатал Галю в стену, нависнув над нею скалою. Она смотрела снизу вверх. Лицо раскраснелось, глаза сверкали гневом.

— Нашёл с кем сравнить! — Она пыталась вывернуться,

но силы были неравными. — Отпусти, я сказала! Мне не нужен никто, кроме мужа!

Он ухмылялся, запустив наглый взгляд в вырез платья:

— Которого нет!

Сердце ухнуло вниз. Качан что-то знал? Какие и перед кем у него обязательства? А если пообещал покойному перед смертью? Нет, не может быть! Она не хотела верить в гибель бывшего мужа.

Губы дрожали, глаза были на мокром месте. Воинственная злючка моментально превратилась в загнанного в угол кролика:

— Что ты сказал?!

Коля, отпустив её руку, оттолкнулся ладонью от стены, освобождая девушку из плена. Шагнул назад, цедя с той же злостью:

— Ничего я не знаю про твоего мужика. Успокойся. — И добавил неизвестно к чему: — Я тоже небедный. Незачем мотаться туда-сюда. Хочешь, открой кафе и работай в удовольствие.

— Не надо за меня решать!

Николай словно не видел злых глаз:

— Придётся! Пока не попала в настоящий бордель. По лезвию ножа ходите в этих поездках. — Он приобнял Галину за плечи и улыбнулся, на мгновение став прежним заботливым Качаном. — Пошли завтракать. Потом будем думать, как выбираться. Вдвоём было бы проще, но… — Мужчина

нахмурил лоб, проворчав с досадой: — Баб бросить здесь не могу. Все мы русские. — А обернувшись на громкий смех за стеной, добавил: — Даже эту шалаву.

Глава 5

Завтракать в этот день не пришлось. Возле лифта Галю за руку поймала вьетнамка.

— Нужно поговорить, пока никого нет на этаже.

— Через полчаса нельзя? — Качан хотел есть.

— Без него! — горничная опустила глаза. — Я очень рискую.

— Иди один, всё равно кусок в горло не лезет.

Галя вернулась в номер, пропустив вперёд прошмыгнувшую в дверь вьетнамку.

— Что ты хотела мне рассказать?

Та теребила нервными пальцами передник, прислушиваясь к каждому звуку снаружи.

— Пришла отплатить добром. Вам надо бежать из отеля!

— Почему? — Хотелось получить подтверждение собственным подозрениям.

— Это нехорошее место.

Галя мягко давила:

— Это я уже поняла. Конкретнее?

Саша обвела взглядом комнату, неразборчиво пробормотав под нос:

— Отель — элитный бордель. Не лучшее место для туристок.

Галя с трудом разбирала слова, каждый раз уточняя

смысл. В животе образовывался холодный ком.

— Нам следует переехать?

В этот раз вьетнамка чуть не прокричала непонятливой русской:

— Бежать! Вас хотят продать. Ждут покупателя.

Галя отшатнулась. Реальность оказалась страшнее, чем думалось. Теперь она растерянно бормотала, не веря в страшную правду:

— Как можно торговать людьми в двадцатом веке? — Картинка, что челночниц начнут просто уговаривать заняться проституцией, предлагая большие проценты, рассыпалась на кровавые фрагменты.

Саша продолжала забивать гвозди в картонный домик девичьих иллюзий:

— Всё можно, если есть деньги. Затеряться в Турции очень просто. Туристы могут пропасть в горах, упасть в пропасть.

— Торгаши в горах? — Не хотелось верить, что уготовлена участь рабыни. — Почему мы? Разве в Стамбуле не хватает танцовщиц?

— Я говорю, что слышала. Вас продадут в маленький городок, где белые женщины очень дорого стоят! — Горничная бросила испуганный взгляд на окно: на улице громкий голос звал кого-то по имени. — Мне пора. Думайте сами!

Она, не слушая просьб, ринулась вон из номера.

Галя мерила шагами комнату. Голова разболелась с новой

силой. Сердце стучало, отдаваясь шумом в висках. Собраться прямо сейчас, не сказав никому ни слова, и попробовать незаметно смыться? Знать бы куда. Хоть вой от безысходности. Что сделает первый встречный, заметив на дороге белую незнакомку?

Новость касалась всей группы. Решение нужно искать не одной ей. Качан говорил, что уходить нужно всем вместе.

Она бросилась на стук, подумав, что вьетнамка вернулась, и, оторопев, замерла на пороге, не успев захлопнуть дверь перед носом незваного гостя. В номер въезжал сервировочный столик с едой, новым тортом и шампанским, а за ним шёл сам красавчик-насильник с огромным букетом цветов в руках.

Хозяин отеля продолжал удивлять, заговорив на отличном английском:

— Прошу меня простить. Второе недоразумение за сутки, — он протянул букет свежесрезанных роз. — Не знал, что племянник поступит подло, воспользовавшись моей просьбой. — В чёрных глазах появился умоляющий взгляд. — От чистого сердца!

Так вот как называется попытка изнасиловать иностранку? Недоразумение?

Галя махнула рукой в сторону коридора:

— Ничего не нужно! Идите вон!

Хозяин отеля не отступал:

— Готов на коленях вымаливать прощение, — Кемаль

протянул букет. — Примите, прошу! Розы бледнеют рядом с вашей красотой.

Девушка подняла взгляд к потолку. Осталось сказать про её божественно стройную фигуру. Комплименты восточных мужчин смешили.

Галина бросила взгляд на столик. Выбор небольшой: принять всё и выпроводить настойчивого ухажёра или дождаться Качана, который наденет этот столик на черноволосую голову турка. Скандалы сейчас вообще не нужны. А торт с шампанским — отличный повод собраться без подозрения в номере.

— Хорошо, я принимаю извинения, только, пожалуйста, исчезните из моего поля зрения! — Галя наступала, заставив турка пятиться к выходу.

Но Кемаль не оставлял попыток закадрить аппетитную блондинку:

— Хочу пригласить вас на свидание.

Она чуть не рассмеялась в лицо несостоявшемуся насильнику:

— Не с того начали знакомство!

Он насупился, явно рассчитывая на другой ответ. В чёрных глазах читалось недоумение:

— Я подумал, вы приняли извинения?

Галина качала головой, видя оторопь на лице до одури самоуверенного мужчины. Решил, что русская растает и раздвинет перед ним ноги?

— На это потребуется время, а пока оставьте меня одну.

Он протянул руку, желая дотронуться. Ставший вязким воздух наполнился ароматом ненавистного парфюма.

— Меня зовут Кемаль, — хищный взгляд не оставлял сомнений. Любвеобильный хозяин надеялся на большее, чем обмен именами. — Я могу многое дать.

Она увернулась, добавив более резко:

— Оставьте меня одну, Кемаль! — Галя так и не назвала своего имени. — Я не приму от вас ничего! — Девушка решилась соврать, чтобы остудить пыл горячего мачо. — В Сирию летела на встречу с мужем. Думаю, он меня разыскивает и скоро будет здесь!

Турок неохотно вышел, на прощание сверкнув глазами:

— Моё предложение остаётся в силе. Я покажу вам другую Турцию.

Галя даже знала какую. Ещё полчаса назад предложение Кемаля могло показаться забавным. Она успела разрезать торт до появления Николая.

— Что это? — Коля кивнул на столик. Желваки ходили на его скулах, в руках мужчина держал тарелку с лепёшками, джемом и сыром. — Зря старался? Вижу, с голода тебе помереть не дадут!

Она усмехнулась. Коля, Кемаль… Кто следующий? Так недолго поверить в собственную неотразимость и решить, что зеркало врёт, а она вовсе не набрала десять килограммов со времени расставания с мужем.

— Что сказала горничная? — Качан оттолкнул столик ногой, с трудом сдерживая гнев.

Галя придержала поехавшее в угол угощение:

— Подтвердила твои слова. Но всё намного страшнее.

Мужчина нахмурился, не понимая, что может быть ужаснее принуждения к проституции.

— Ограбят и убьют? — Он хмыкнул, прикинув, насколько турок мог стать богаче. — Удивляюсь, почему не сделали этого до сих пор.

Галя снова усмехнулась. Прямая как лом мужская логика. Но смерть — не самое страшное, что может произойти с женщиной. Она направилась в полутёмный коридор:

— Позову девчат. Расскажу сразу всем.

— Таню и Люду исключай. Первой даже на завтраке не было.

Учитывая, что ещё час назад в номере отвязной блондинки смеялся мужчина, неудивительно, что та отсыпалась.

Через пятнадцать минут в комнате стояла полная тишина. Те, кто успел откусить торт, замерли с открытыми ртами.

— Как — продать?

— Куда?

— Какое они имеют право?

Качан стоял, сложив на груди руки. Спутницы раздражали его тугодумием, но бросить землячек на растерзание упырям было не по понятиям.

— Всё можно при желании. Паспорта, кроме наших с Гал-

чонком, у кого-то остались?

Женщины переглянулись, понимая, что их продажа уже началась.

— Ну, вы молодые… — Мария Васильевна ударилась в слёзы. — А я им зачем?

Галю не меньше Качана напрягали сопли, когда нужно было собраться и продумывать побег. Она ответила резко:

— Белая? Белая! Будут использовать, пока не подохнешь!

Коля усмехнулся. Дерзкая блондинка умела приободрить.

— Никто не сдохнет, но сначала надо забрать документы.

— Как? — Двенадцать пар глаз взирали на него с надеждой.

— Осмотреть отель, не привлекая внимания. Найти телефон и дозвониться домой. — Он назвал код города. — Пусть свяжутся с посольством, скажут, где мы. Навряд ли поможет, но турки должны знать: сделать нас безымянным мясом не получится. Держите наготове вещи.

— А если пойти к Лиде и потребовать отдать паспорта? — Похоже, Мария Васильевна до сих пор верила в Деда Мороза.

Галя нервно хохотнула:

— Ещё расскажи ей, что мы всё знаем. Тогда вместо номеров точно окажемся в подвале.

— Что тогда?

— К Лиде пойду я! — Качан направился к выходу. — Остальным выполнять, что сказал. Времени почти не оста-

лось!

Глава 6

Все замерли в ожидании возвращения Качана. Кусок не лез в горло, но шампанское осушили мгновенно.

— Как думаешь, удастся ему? — Мария Васильевна то и дело подскакивала к окну, комментируя происходящее во дворе, словно там находился номер организаторши поездки. — Опять одних горничных видно. Стоянка пуста. К вечеру нагрянут. Уснуть не могла под их музыку. Ещё под окном хозяин песни распевал. Кутуньо недоделанный!

Галя смолчала, кому были посвящены серенады.

— Мне говорили, что Лида ещё та штучка, верить отказывалась. Ваха её в «Антариес» давно взял, ещё до того, как его Танька Чёрная приехала. Вроде любовниками были. Может, решила нагадить от злости, что бросил её?

— Какое нагадить? Маша, ты не поняла, что разговор о больших деньгах. Прибавь, что и наши баксы отнимут. Затеряется в Турции так, что никто не найдёт. В ту же Сирию подастся, сука, и будет жить припеваючи.

Галя не могла слушать предположения, одно хуже другого. И так на душе скреблись кошки. Каждый день в этом месте без того испытание.

Она приоткрыла дверь.

Лида прошествовала от лифта, возвращаясь откуда-то.

— Ты меня ждёшь? — обращение к Качану. — Зайди

попозже. С вашими паспортами. Из-за вас не могу поездку оформить.

— Это срочно! — Он первым шагнул в номер.

Лиде ничего не оставалось, как пройти за ним.

Что-то словно подтолкнуло Галю подойти к номеру. Дверь не защёлкнулась до конца. Она заглянула в полоску света и оторопела.

Бледная как смерть Лида с ножом у горла выслушивала властные приказы совершенно непреклонного Качана.

— Паспорта сюда, быстро! Ты что, сука, на моё покуситься решила? Галя нужна мне в России живой и здоровой! Не для того её обхаживаю два месяца, чтобы ты всё испортила! — он сверлил взглядом покрытое потом лицо. — Сколько русских баб продать успела, мразота?

Она ответила на первый вопрос, проигнорировав второй.

— Ваших паспортов у меня нет.

— Дурочку не включай! Чартер не повезёт нас двоих. Сейчас ты, паскуда, позвонишь лётчикам на хату, чтобы готовились к вылету. Самолёт заправлен, я узнавал. Затем тому пидору, что нас встречал. Дёрнешься — распишу от уха до уха, и никто не заплачет по такой твари. А потом займусь твоим муженьком в Анталье. Думаешь, я зря время терял? Мои люди уже давно на всех всё собрали.

Лида выполнила все указания. Паспорта из шкафа перекочевали в руки Качана. Он велел ей собрать самое необходимое.

— Со мной пойдёшь. Глаз с тебя не спущу.

Лида изворачивалась, пытаясь склонить его в свою сторону.

— Зачем она тебе? Не мог лучше найти? Тут такие деньги крутятся, купишь любую!

— Пасть закрой! Вы все в подмётки Галчонку не годитесь. — Он, скривив губы, усмехнулся. — Мой трофей, никому не отдам!

— Чего тогда носишься с ней? За волосы и в постель. Поймёшь, что не стоит того, что я могу предложить, — она заглядывала снизу вверх в безжалостные глаза.

Качан процедил с недовольством:

— Слово дал, а я привык их выполнять. Собирайся быстрее! — Он усмехнулся так, что мороз прошёлся по позвоночнику. — Всё, что надо, у меня уже есть!

Галя на цыпочках вернулась назад в комнату. Сказать, что испытала шок, — не сказать ничего. Сердце гулко стучало. Во рту стало горько. Её проиграли, продали? Кто, как, почему? Она не раз слышала про подобные вещи. Бандиты играли в карты на всё и всех.

Сомнение, что муж не просто так оставил её, болью кольнуло сердце.

Она тихонько вернулась в номер, приложилась затылком к прохладной стенке. В висках шумело, чувствовала, как горячая кожа лица от волнения покрывается красными пятнами. Захотелось в душ под холодную воду, но нет времени.

— Давайте все по номерам. Собирайте вещи, как Коля сказал. Нужно быть наготове. — Она выпроводила гостей и со злостью пнула столик на колёсах. Он въехал в стену и вернулся назад. Торт чуть не свалился на пол, пустая бутылка закатилась под кровать.

Хотелось разреветься, закричать от кошмара, в котором пребывала последние дни, но нельзя выдавать, что подслушала разговор. Как выпытать, что случилось с мужем? Качан врал, говоря, что не знает о нём.

Времени на истерику нет. Она покидала в сумку вещи, застегнув замок ровно в момент, когда он вернулся, таща Лиду за руку.

— Все приготовились?

Галя кивнула.

— Да, девчата собирают вещи.

— Никаких шмоток! Только дамские сумки. Не привлекайте внимания! Самое ценное растолкайте по карманам. Автобус будет здесь через пятнадцать минут. Выходите по одному. Сразу за крыльцом в кусты, там через три метра в заборе есть проём. Железный лист отодвиньте в сторону и выходите! — он толкнул Лиду на кровать, нависнув скалой над Галей.

Прищуренные глаза горели яростной зеленью. Он, словно читая её мысли, прорычал:

— Ждите нас. Не вздумайте ловить попутку или просить о помощи. Никому не отвечайте, если встретите. Прикиньтесь

дурами.

Последнее выполнить было несложно. Именно ничего не понимающей идиоткой она себя сейчас ощущала.

Галина достала из большой сумки тонкую джинсовку, бейсболку и дорогие безделушки в подарок подружкам. Баксы и паспорт лежали в маленькой сумке, перекинутой лямкой через шею. Куртку накинула сверху. Длинное платье в пол скрывало ноги в кислотно-зелёных лосинах. Кроссовки «Адидас» на удобной подошве — если придётся бежать.

Качан, сжав пальцы на узком запястье, дёрнул любимую пышку на себя.

— Ничего не бойся! — он втянул аромат светлых волос, словно хищник, запоминая запах самки. — Если что, я приду за тобой!

Она выскочила за дверь на дрожащих ногах, ещё больше напуганная последними словами «спасителя».

Возле двери столпились напарницы. Галя кивнула на баулы в их руках.

— Сумки велел оставить, с собой только маленькие, чтобы не мешались.

Объяснять в подробностях не пришлось. Они слышали, что происходило за дверью. Мария Васильевна успела шепнуть с сочувствием:

— Ну и попала ты, девонька. Из огня да в полымя!

Галя упрямо сжала губы. Напрасно Качан считает её лёгкой добычей. Постоять за себя сумеет.

Они спускались по лестнице, избегая любого шума. На ресепшене никого не было. Новый админ не успел приступить к работе. Крыло, где проживало тринадцать толком не знающих язык, послушных русских, не вызывало беспокойства.

Она шла, прижимаясь спиной к кирпичной стене. Кусты роз вдоль палисадника цеплялись шипами за одежду, царапали руки. Галя не чувствовала боли. Одна мысль: «Быстрее оказаться за забором». Словно на бетонированном пятачке начиналась свобода.

Лида не обманула. По дороге к отелю, окутанный пылью, нёсся автобус, что забирал их из аэропорта.

Галя оглянулась на дырку в заборе, шёпотом призывая Качана поторопиться.

— Ну, где же ты, Коля!

— Лишь бы успели! — вторила Мария Васильевна. — Без него нам хана!

Качан появился раньше, чем остановился автобус.

Здоровяк тащил на плече невменяемую Таню, завёрнутую в покрывало. Другой рукой удерживал Лиду за шею.

— Девчата, грузимся быстро!

Они запрыгивали в открытую дверь, как только она распахнулась. Качан втолкнул организаторшу.

— Держите её! — и, забросив Таню на переднее кресло, вернулся к дверям. Удар кончиком кроссовка в горло выскочившего из ворот охранника сработал безупречно. Турок остался лежать на земле. А Качан уже орал на водителя, не

дожидаясь спешащих к вырубленному секьюрити на подмогу:

— Чего вылупился! Давай вперёд, пока не свернул тебе шею!

Короткой фразы и дикого взгляда хватило, чтобы автобус понёсся туда, где ждал готовый к взлёту самолёт.

Все прильнули к стёклам с замиранием сердца, ожидая увидеть погоню.

Коля, напротив, вёл себя совершенно спокойно.

— Не бздите, не смогут завестись без капремонта. Пошаманил ночью на служебной стоянке. — Он окинул испуганных женщин взглядом. — Кто-то успел дозвониться до дома?

— Лучше. — Света, самая красивая из челночниц, сложила ногу на ногу, проговорив с улыбкой: — Я позвонила любовнику.

Качан скривился, а она гордо вскинула голову.

— На минутку, первому помощнику посла Турции!

Девчата рассмеялись, наперебой начав благодарить любительницу хорошего секса и восточных мужчин.

— Вот почему зависаешь в Москве после каждой поездки.

— А чего к нему жить не переберёшься?

— Аяз женат. Зачем мне это? Мэр Газиантепа наверняка уже предупреждён. В самолёт сядем без проблем!

Галя выдохнула. Всё, что происходило в гостинице, скоро забудется, как страшный сон.

По-настоящему она успокоилась, когда самолёт вырулил на взлётную полосу.

Большие колёса подпрыгивали на неидеальном бетоне, набирая нужное ускорение. Задранный нос железной птицы разрезал воздух, взмывая вверх. Никогда ещё тяжёлый гул моторов под огромными крыльями не казался сладкой музыкой.

— Галчонок, душа просит. Давай нашу, «Комбинацию», про самого горячего мачо на свете!

Они смеялись, радуясь, что вырвались из плена и не придётся до самой смерти обслуживать вонючих волосатых мужиков.

Первые строчки были встречены аплодисментами:

— Мне надоело песни петь про заграницу. Надену валенки и красное пальто…

Припев исполняли дружным хором. Мария Васильевна смахивала с глаз слёзы:

— Бухгалтер, милый мой бухгалтер…

— Зато родной, зато весь свой…

Душа рвалась домой.

Самолёт развернулся, ещё раз пролетев над чужим городком, где на их судьбах хотели поставить крест, и взял курс на Россию. Туда, где ждали родные сердцу мужья, мамы, дети, возлюбленные, соседи. Они возвращались в огромную, нуждающуюся в каждой из них страну, пребывающую в тяжёлом похмелье от почти бескровной революции.

Галя чувствовала затылком тяжёлый взгляд усевшегося позади Качана.

Крепкие руки обхватили её за плечи, прижимая к спинке кресла.

Властный голос раздался над самым ухом:

— Никаких бухгалтеров и прочих додиков. Помни, что я сказал: ты моя!

Глава 7

Самолёт шёл на посадку в родном городе. Предела счастью вырвавшихся из плена не было.

— Йес!

— Ура!

— Как же я люблю тебя, Мухосранск!

— Взлётную полосу целовать готова!

Галя смеялась возгласам подруг по несчастью.

— А говорят, у нас воздух плохой.

— Готова дышать им без очистки, даже на левом берегу. Прямо у комбината попку понюхать.

Пришедшая в себя Таня, не стесняясь, натягивала брошенные в сумку лосины цвета «вырвиглаз» и майку.

— Такой кайф обломали, — сопела она. — Кто придумал про рабство?

— Я! — рычание Качана привело пьяницу в чувство.

— Спасибо, Колян! Из твоих уст готова поверить всему. — Таня зыркнула на прячущую взгляд организаторшу: — Не завидую тебе, Лидка. — Воздушный поцелуй спасителю и совет торговке людьми: — Шекериться теперь по подвалам. Уж поверь, я знаю, о чём говорю! Я готов целовать песок, на который ты сходила...

Таня тусовалась не только с ментами, но и с бандитами. Это знали все. Мороз шёл по позвоночнику от взгляда в за-

тылок. Галя вздохнула. Пришла пора отпустить страх перед Турцией и начать бояться того, что ждёт дома.

Они выходили под холодный дождь. Автобус стоял в нескольких метрах от самолёта. Галя спускалась по мокрому трапу, натянув ветровку на голову. Сумка, как обычно, была в руках Качана. Галя решала, как незаметно скрыться. В сумке лежали нужные вещи, но желание оказаться дома как можно скорее и в одиночестве пересилило жадность. Она постаралась прижаться к двери, едва ПАЗик тронулся с места. Коля снисходительно смотрел на блондинку, будто читая её мысли.

— Галчонок, там нас ждут. Ты не забыла, как выглядит моя «бэха»?

— Нет!

— Тогда без глупостей. — Серые глаза зло сверкнули, словно у него собирались отобрать любимую игрушку. — Я всё сказал!

Постепенно приходило понимание, что начинается новый этап реальности — жизни без мужа. Можно выдумывать бесконечные «я в туалет» и всё что угодно другое, от него не уйти. Галя боялась сказать «нет» новому Коле.

— Здорово, братан! Куда пропал? Ждали звонка из Стамбула. Не знали, что думать, — огромный бритоголовый качок с толстой золотой цепью на шее и в малиновом пиджаке приветствовал Качана в зале аэропорта. Пальцы в наколках украшали массивные золотые печатки.

— Здорово!

Они обнялись. Оба сияли, как будто не виделись несколько месяцев.

— Я уж думал, ты ласты склеил.

— Нет, «мазуриком» мне становиться рановато. Хотя мог. Как тут дела? — Коля многозначительно смотрел на встречающего. — Рыжьё нашли?

Тот кивнул, докладывая о чём-то своём:

— Чуйка тебя никогда не подводила. Полкило золота в самом неожиданном месте, — он рассмеялся. — Хоть не в очко спрятал!

— И там бы нашли. По векселям надо платить!

Галя сжала плечи, желая стать невидимкой. Вот так же когда-то говорили о ней? Она стала расчётом за долги мужа?

— Куда сейчас?

— На хату. Хочу отдохнуть. — Он перевёл взгляд на блондинку. — Надо показать Галчонку, где её новый дом.

— На выходные есть планы?

— Летим в Москву. Погуляем в «Метелице». После такой поездочки нужен хороший расслабон. Душа праздника просит!

— Организуем по высшему разряду!

— К вечеру собирай пацанов. Есть дело! Одну овцу надо наказать, но сначала проследить, найти заказчика и место, где прячет бабло. Заначка должна быть нехилая. Если не успела вывезти в Турцию.

Галя сомкнула веки, переваривая услышанное. Качан вёл себя совершенно спокойно, высказываясь о приговоре для Лиды. Уверен, что она не сдаст, или больше не имеет такой возможности? Мороз пробежал по позвоночнику. Избежав одного рабства, попала в другое. Разница в том, что хозяин и трахальщик — в одном лице. И надо отдать должное — лицо неплохое, только на душе от этого не легче.

Качан закинул сумку Гали в багажник и подтолкнул её к пассажирской двери огромного чёрного монстра.

— Располагайся! Познакомлю тебя с родителями, и поедем на нашу хату.

— У меня есть своя квартира! — ещё одна попытка остаться независимой. — Адрес ты знаешь. Буду благодарна, если подвезёшь.

Он ухмыльнулся.

— Уже нет! Всё твоё полгода как принадлежит мне! — он, притянув её за талию, рыкнул, глядя в глаза: — Ты тоже!

— Я человек, не недвижимость!

— А я выиграл твою жизнь! И поверь, быть моей намного приятнее, чем гнить в земле.

Она не могла понять, кто решил её проиграть. Как вообще это происходит?

— В карты?

Он кивнул, выруливая со стоянки на трассу до города.

— Тебя — да. Квартиру забираю за долги.

Она отказывалась верить. Имущество могли задолжать

только два человека: она и муж!

— Хочу знать, что Миша жив, но не могу смириться, что он меня так жёстко подставил!

— Я уже советовал тебе снять розовые очки и повторю ещё раз! Взгляни на мир, какой он есть! Ты хочешь узнать правду?

— Очень!

— Всему своё время. Не думаю, что она тебе понравится.

Он вставил кассету в магнитофон. Плёнка прошуршала в динамиках, и Александр Новиков запел:

— Вези меня, извозчик, по гулкой мостовой... А если я усну, шманать меня не надо...

Её обокрали, не входя в казино. Теперь — лишь бы выжить.

Через двадцать минут Галя стояла во дворе огромного дома в престижном посёлке уральского города. Идеально чисто, ухоженные клумбы. Кошка на крыльце дома. На цепи рядом с будкой — лохматая собака. Всё как положено, но сердце сжималось от страха. Происходящее походило на подготовку к корриде.

Низко наклонившая голову будущая свекровь разглядывала чудо, ради которого сын рисковал жизнью. Семьдесят килограммов живого счастья с обречённостью в серых глазах выглядели лёгкой добычей для прирождённой укротительницы. Сына Тамара Астафьевна без боя не отдаст! Невысокая полноватая женщина за пятьдесят била копытом, соби-

раясь проткнуть насквозь причину головной боли последних месяцев.

Коленька стал нервным. Постоянно мотается по заграницам с риском для жизни из-за сивой дылды.

— Ну, здравствуй, Галя! — радости в голосе будущей родственницы не наблюдалось.

Галя молчала, находясь в полной прострации последний час.

Коля встал позади. Сильные руки сжали покатые плечи. Галя вздрогнула. Он сделал вид, что не заметил. Поцелуй в макушку как метка своей территории и уверенно-жёсткое:

— Познакомься, Галчонок. Это моя мама, Тамара Астафьевна, — он громко проговорил это, прекрасно зная непростой характер родительницы. — Она станет тебя любить и во всём помогать, когда я отсутствую. Обращайся к ней по любому вопросу!

Глава 8

— Я не стану спать с тобой! — Галя упрямо склонила голову.

— А куда ты денешься? — Коля провёл большим пальцем по круглому подбородку. — Насиловать не стану. Сама ноги раздвинешь. Я умею быть ласковым.

— Никогда! — она фыркала, покрывшись ярким румянцем. — Я с мужем легла в постель только после регистрации, хотя любила его!

Попытки поставить условия и отсрочить неизбежное разбились о каменное спокойствие Качана. Он усмехался. Галя попала в собственный капкан.

— Ну, это несложно устроить. — Он взглянул на часы. — Моемся, едим — и в загс, подавать заявление.

Галя сидела в просторной ванной. В этом доме было всё. Она успела воспользоваться тёплым туалетом. А теперь разглядывала стиральную машину «Чайка» с центрифугой, такую же, как у себя в квартире.

Возможно, придётся жить здесь. Хорошо хоть со стиркой не будет особых проблем.

Она ревела, тут же смывая слёзы водой из лейки. Не хотелось, чтобы Качан видел её страх. Вопрос, как могла попасть в положение безвольной куклы, не возникал. Её загнали в него, как множество людей в это безумное время.

Как назвал её турок? Барби? Теперь она станет Барби для бандита.

Она тяжело вздохнула. Как быть с поездками? Осталось совсем немного, чтобы купить маме квартиру.

Стук в дверь.

— Галчонок, выходи, обед стынет! Тебе помочь?

Коле как минимум нравилось подначивать жертву — или кем она теперь ему приходилась?

— Не надо. Сейчас выхожу. — Она торопливо помылась и выскочила с полотенцем на голове и в халате.

Он стоял у стены, сложив на груди руки.

— Запомни, я не люблю ждать. Ещё немного — и выбил бы дверь! — Он рванул её на себя за руку. — Тёплая, раскрасневшаяся, мягкая, так и съел бы… — Качан с жадностью втягивал запах мокрых волос, нежной розовой кожи. — Галка, не жалей ни о чём. — В серых глазах плескалось желание. — Сделаю всё, чтобы ты чувствовала себя королевой.

Она не могла ответить тем же. В груди ничего не шевельнулось. Галя упёрлась в мускулистую грудь, ощущая, как под ладонями бьётся сердце и ходят мышцы. Знакомый запах кориандра, лаванды, мандарина помимо воли вызывал доверие. Одеколон «Паша де Картье». Недавно дарила такой двоюродному брату на день рождения.

— Ты обещал! — сказано уже не так агрессивно.

Он, поняв это, ослабил захват.

— И всегда держу своё слово.

Она ковырялась в тарелке, выуживая кусочки картошки и мяса из густого варева с толстым слоем золотистого жира сверху.

— Коленька любит свининку домашнюю! — Тамара Астафьевна не сводила счастливых глаз с любимого мальчика. — Вечно голодным приезжает из Турции с их бараниной.

Она разглядывала очередную девку сына, удивляясь: чем она лучше других? Почему он решил жениться на ней?

— Ты готовить-то умеешь? У Коли до тебя была Юленька. Такая хорошая девочка, а какие пироги пекла — ум отъешь!

Никакого обращения по имени. Будто Галя на самом деле всего лишь одна из проходящих любовниц для удовольствия дорогого мальчика.

— Мама! — Качан рыкнул. — Прекрати сравнивать Галчонка с другими бабами! Она единственная и неповторимая!

— Я на ваш ум покушаться не стану! Много печёного вредно. Делать умею всё, но в пределах разумного… — Ей хотелось отправить жирную похлёбку в ведро. Так питаться — сердце откажет раньше, чем в него прилетит пуля.

Она сжалась, не понимая, почему странное сравнение пришло в голову. Что это? Предчувствие беды? К Качану в сердце пока ничего, кроме благодарности и страха. Тогда почему в животе образовался ледяной узел?

— Ты платье, что покупала в Трабзоне для Турции, забрала из отеля?

— Да!

Он рассмеялся.

— Так и знал, не удержишься. Надень его. Хочу, чтобы в загсе уже сейчас ты была лучше любой невесты.

Николай затаил дыхание, любуясь появившейся во дворе блондинкой. Светло-серое платье подчёркивало цвет глаз. Собранные в высокий, выше макушки хвост волосы удлиняли шею. Серая широкая резинка в цвет платья удерживала густую светлую копну. Глубокое декольте, в котором вздымалась пышная грудь. Тонкая талия. Длинные полные ноги с узкими лодыжками в туфлях на высоком каблуке.

Ветер подул в его сторону, донося аромат её тела, от которого он просто дурел. Он почувствовал, как набухает в паху.

— Едем! — И подтолкнул Галю к задней двери «бэхи», отвечая на немой вопрос: — Рядом со мной сядет Макс. И запомни: твоё место всегда позади меня, а в машине — за пассажирским креслом. Если услышишь выстрелы — сразу ложишься на пол!

— Что? — она отказывалась верить, что мысли, пришедшие в голову полчаса назад, могут превратиться в реальность. — Ты так шутишь?

— Ни разу! Не в сказку попала. Просто запоминай, что следует делать для того, чтобы выжить! — Он не мог рассказать, что в одиночку её шансы на спасение равны нулю.

Малиновый пиджак сидел на широкоплечем мускулистом Качане как влитой. Толстая золотая цепь под чёрной рубашкой. Чёрные брюки со стрелками на накачанных ногах,

туфли с узкими носами.

Они смотрелись очень красивой парой, стоя перед высокими дубовыми дверями в общее будущее.

Коля подал паспорта недовольной припозднившимися клиентами миловидной женщине за сорок.

— Не кипишуй зря, — успокаивал он единственно известным для себя способом. — Не обижу. Найди ближайшую дату для регистрации.

Та открыла первый паспорт и сразу повеселела. Несколько купюр по десять тысяч рублей полетели в верхний ящик стола. Повеселевший взгляд, и с виноватыми нотками в голосе:

— Через две недели. Раньше никак, к сожалению.

— Записывай!

Они выходили из кабинета с совершенно разными чувствами. Коля сиял, предвкушая брачную ночь. А Галя — с выражением смертника, идущего на эшафот.

Он потёр руки.

— Макс, заедем в «Берёзки», отметим.

Тот почесал короткие волосы, оглянулся по сторонам и неуверенно протянул:

— Без братвы?

Качан положил руку на плечо друга, второй обнимая блондинку за талию.

— Мальчишник потом. У нас с Галчонком есть повод. — Он подмигнул блондинке.

Она усмехнулась, понимая, о чём разговор. Ещё в само-

лёте собирались напиться на радостях, если сядут в России. Странно, что не предложил этого за обедом.

— Спасение из жопы?

Макс рассмеялся.

— Чьё очко порвали?

Качан цыкнул, жалея, что не сделал этого в реальности. Стоило хозяина отеля посадить на перо.

— Черножопое! Завтра поедем выбирать новый дом. После свадьбы отдельно жить будем.

Галя улыбнулась. Хоть одно радостное известие. Тамара Астафьевна — человек слишком сложный. Но если завтра смотреть новое жильё, значит, он знал итог сегодняшнего дня? Она тяжело вздохнула. Коля оказался совершенно другим человеком, чем представляла раньше.

Большой вытянутый зал ресторана упирался в сцену с ударными инструментами. Два ряда прямоугольных столиков со стульями с резными спинками. Жёлтые скатерти на столах. Тарелки на льняных салетках, вазочки с цветами, белые фаянсовые пепельницы.

Сизоватый из-за сигаретного дыма воздух.

Официант подбежал к ним почти сразу. Коля не предложил сделать выбор, а заказал за всех самые дорогие блюда, но не факт, что вкусные. Коньяк и шампанское из спиртного.

Постепенно столик заполнялся закусками, фруктами. Кусок в горло не лез.

— Галчонок, ты бросай эти диеты! — он облизнулся, за-

глянув в глубокий вырез платья. — Ешь! Если захочешь что-то другое, говори.

Она улыбнулась. Вот так начнёшь думать, что ты красавица.

Галя ловила на себе любопытные взгляды. Мужские — с неподдельным интересом, а женские — с завистью. Некоторые — с непонятной ненавистью. Похоже, Качан — лакомый кусок для местных ярко накрашенных красоток.

Она столкнулась с одной из них в туалете. Цветные перья волос, торчащих в разные стороны. Сиреневая с синим помада. Жирная чёрная подводка, а сверху — синие тени.

«Модная» штучка эмского разлива походила на героинь клипов Майкла Джексона. В нос ударил стойкий запах духов «Опиум». Дива жевала резинку, угрожая расправой:

— Слышь, ты, корова! Качан мой! Не раскатывай губу. Не знаю, где он тебя снял, но если не сдрыснешь из-за стола через пятнадцать минут, пожалеешь!

Галя рассмеялась. Она с удовольствием свалила бы из ресторана, но не сможет при всём желании.

«Барби» для бандита окинула взглядом соперницу. Блестящие ярко-жёлтые неоновые лосины. Коротенькая расклёшенная юбка из золотистой ткани. «Пьяный» топик с голым плечом. Чучело, да и только. В голове возникла картинка, где недоразумение стоит на коленях с членом во рту.

— Слышь, кошёлка! — Галя знала: наглючек нужно ставить на место сразу, и отлично умела делать это. Она усмех-

нулась в лицо с пузырём из жвачки розового цвета. — Посмотри на себя в зеркало! Неудавшийся выкидыш алкоголички. Как тебя сюда пропустили? Скачи на дискотеку, не мешай отдыхать нормальным людям!

Она вышла с высоко поднятой головой. Юная жрица любви в подмётки ей не годилась. Не верилось, что Коля мог общаться с такими дешёвками.

Короткая песенка мужа подруги всплыла в памяти: «Малолетка, малолетка. В жопе хуй, во рту конфетка!»

Но на душе стало гадко.

Глава 9

Галя успела вернуться к столу до того, как Качан ворвался в поисках её в туалет.

Он встретил её стоя. Неподдельная тревога в глазах и нелепый вопрос:

— Почему так долго?

Она не удержалась от язвительного тона:

— Общалась с твоей поклонницей или любовницей, как она утверждает.

Коля, нахмурив лоб, смотрел на выплывающее из туалета недоразумение.

— Эта шмара?

Галя кивнула.

— Она самая.

— Минетчица с трассы. Нашла к кому ревновать!

Она покраснела. Ревнует? Смешно! Но почему тогда так вскипела?

— Очень надо. Эта мелкая сучка угрожала разборками, если я не исчезну через пятнадцать минут.

— Что? — он ухватил за руку проплывающее мимо стола чучело.

Раздался грозный рык, заставивший вздрогнуть людей за соседним столиком:

— Слышь, сявка, ещё раз откроешь пасть — останешься

без зубов! — Он сплюнул. — Любовница, млять! В страшном сне тебе за щёку не дам!

Галя сжалась, не зная, куда деться от стыда. С этого дня такое общение — её действительность. Нужно привыкать, и, возможно, придётся вести себя так же. Она тяжело вздохнула. С кем поведёшься…

— Галчонок, прекрати краснеть! — Качан будто читал её мысли. — Есть люди, которые по-другому не понимают! Запомни это и учись быть жёсткой.

Головой она понимала. Намного сложнее перестроить душу.

— Кругом люди…

— Вот на это плюй в первую очередь. Иначе сожрут.

Галя хмыкнула. Уголовник, бандит — и вдруг такая опека. Он всё больше походил на заботливого отца. Она сомкнула веки. Совсем как первый муж. Этим и взял тогда девочку восемнадцати лет.

— Коль, закажи мне брют розовый. Хочу кисленького и чтобы вкусно пахло.

Он свёл брови в линию.

— На солёненькое случайно не тянет?

Рявкнул настолько грозно, что в её глазах появился страх, и она начала оправдываться:

— Нет! Я когда нервничаю — хочу кислого.

Качан скривился.

— Я пошутил. — Он встал. — Пойду охлажусь, покурю

на улице.

— Я с тобой! — Макс подскочил следом.

Коля вернул его назад, надавив на плечо.

— Останься, — он указал глазами на столик в углу. — Присмотри здесь.

Макс подождал, пока Качан выйдет.

— Чего испугалась?

— А ты как думаешь? Может, у вас в порядке вещей рычать ни с того ни с сего. А у меня в голове сразу разные мысли. — Галя смотрела в глаза друга будущего мужа. — Ты же знаешь, я не хочу за него замуж.

Макс рассмеялся.

— А жить хочешь?

Она не могла понять, почему этот вопрос задают ей весь день.

— Хочу!

Бандит наклонил голову, сверля исподлобья злым взглядом.

— Он тоже! Но поставил на кон себя вместо тебя.

Галя оторопела.

— Как это?

Он хмыкнул, проговаривая сквозь зубы:

— Разыгрывали долги общаку. Он выкупил те, что задолжал твой муж. Но кто-то должен ответить за просрочку, чтобы другие боялись. Выпала ты и ещё двое!

Она трясла головой. Ощущение, будто попала в другую

реальность.

— Не понимаю. Как это — выпала я?

Макс стукнул ладонью рядом с тарелкой, явно психуя от непонятливости блондинки.

— Дуру не включай! На кон поставили тебя! Игра в карты на жизнь! На перо должны были посадить. Показательная казнь для крысы!

Она развела руками.

— Но я ничего не должна…

Макс откинулся на спинку стула, с усмешкой проговорив:

— А имущество у тебя от кого?

— От мужа. Но я ничего не знала о его долгах.

Он рассмеялся, выдав циничное:

— Незнание закона не освобождает от наказания! Качан поставил себя вместо тебя на кон. А потом выиграл. Только теперь твоя жизнь без него ничего не стоит!

— Ничего не поняла…

— А не нужно тебе ничего кумекать. Просто запомни, что он тебя спас. И ещё… — Он смотрел в серые глаза с ухмылкой голодного хищника. — Не станет его — и отсрочка закончится!

Галя почувствовала, как холод поднимает волоски на руках. Возможно, Макс и станет исполнителем казни. Для него она — удавка на шее друга.

В висках шумело. Сердце рвалось пополам. Галя отказывалась верить в подлость мужа и благородство чужого чело-

века. Что-то не складывалось.

— Он знал меня раньше?

— Даже был на вашей свадьбе с продавшим тебя уродом.

Напрягать память, чтобы вспомнить Колю на том торжестве, бесполезно. Триста незнакомых гостей.

Она была переполнена счастьем, не смотрела ни на кого, кроме любимого мужчины. Красивого, благородного, уверенного в себе и очень щедрого во всех проявлениях. Купалась в его любви. Лучшие годы жизни прошли рядом с ним.

Теперь за счастье выставлен счёт? Галя смотрела в холодные глаза палача, не сомневаясь в собственных выводах. Но стоит ли ему верить? Сказать можно всё, но где доказательства?

— Мой муж не урод! Не хочу верить в его подлость.

Он оскалил зубы, выдав не раз услышанную от Качана фразочку:

— Бывший муж! И поверить придётся! Играют на всё, если больше нечего ставить. Даже на места в зрительном зале. Пришёл посмотреть фильм, а вынесли жмуриком.

Галя сжала зубы и откинула голову. Она слышала об этом совсем недавно.

Только бы не расплакаться.

— Качан — твой ангел-хранитель на всю оставшуюся жизнь! — продолжал Макс добивать. — Не могу рассказать тебе всего. Докажешь, что любишь, — и всё узнаешь.

Любишь? Она готова была рассмеяться. Но в груди посе-

лился страх, а не веселье. Можно верить или не верить словам бандита. Но если он говорит правду?

Она по-другому взглянула на все проявления заботы от Николая. Вот почему он всегда оказывается рядом. Охраняет. Значит, есть тот, кто продолжает на неё охоту?

А если Коля проживёт недолго?

Галя зажмурила глаза, массируя виски пальцами. Голова невыносимо болела.

— Галчонок, что с тобой?

Она открыла глаза, уставившись на склонившегося, нахмуренного Качана.

— Голова разболелась. Слишком накурено и шумно. — Виноватая улыбка на полных губах. — Не отдохнула толком…

Галя не знала, как теперь относиться к человеку, что стал буквально её спиной. Лучше бы Макс ничего не говорил. Взгляд, брошенный на довольную морду вестника зла, вызвал отторжение. На этого человека надеяться не стоит.

— Я заказал брют, как просила. — Он, сев рядом, положил ладонь на её колено. — Давай поедим и тогда домой.

Она вымученно улыбнулась. Душевное спокойствие в ближайший час напрямую зависело от расторопности шеф-повара ресторана. Тамара Астафьевна зря утверждала, что хорошо знает вкусы сына.

Рука Качана жгла ногу, но ощущения не были неприятными. Встреть она этого крупного мускулистого парня несколь-

ко лет назад, может, их жизни сложились бы по-другому? Он избежал срока, а она не была проигранной?

Но тогда не было бы нескольких лет, о которых вспоминала минуты назад. Сердце желало любви. Можно ли повторить это с другим мужчиной? Горькая мысль с диким желанием сладкого послевкусия.

Она подняла голову, открыто встретившись взглядом с глазами спасителя. Душа сжималась перед неизвестностью, в то же время требуя действий. Как будто стояла на нависшей над морем скале с одной стороны и бездной с другой. Страшно шагнуть в любом направлении, но, спрыгнув в море, есть шанс выжить.

— Коля, а платье с кольцами когда отправимся покупать? — она решилась заглянуть в неясное будущее на двоих.

И он почувствовал это. Морщины между широкими бровями прорезали лоб в попытке понять: что изменилось в блондинке за время, пока он курил? Качан ответил почти мгновенно:

— Хоть сейчас! — Галя была обречена стать его женщиной с первой минуты, как он её увидел, но хотелось большего.

Многое отдал бы за настоящую любовь.

Она покачала головой.

— Нет. Не представляешь, насколько это муторное мероприятие. Нужны свежие силы. — Короткая заминка перед вопросом: — Каким будет моё платье?

— Белым!

Глава 10

— Мне нужно увидеться с мамой.

Галя осталась на заднем сиденье после того, как Макса высадили у его дома.

Она смотрела в сторону дымящих труб металлургического комбината. Очень хотелось увидеть родное лицо. Её не ждали из Турции так рано.

— Без проблем. — Качан повернул машину на дорогу к северному мосту. — Заодно познакомишь с будущей тёщей.

— Ты её видел у меня дома.

— Мельком. Ты дальше порога меня не пускала. — Он смотрел в зеркало заднего вида. — Хочешь, заночуем у тебя сегодня?

Галя не сдержала радостного возгласа:

— Очень хочу! — находиться под постоянным контролем Тамары Астафьевны не прельщало.

Он улыбнулся.

— Заедем в магазин на обратном пути. Холодильник, небось, пустой?

Она рассмеялась. Зачем продукты одинокой женщине?

— Морковка с картошкой есть. Могу пожарить с луком и натереть салат из моркови с чесноком.

Коля усмехнулся.

— Галчонок, тебе теперь мужика кормить. Я не кролик,

мне мясо давай. — Он стучал пальцами по рулю. — Завтра на крытый рынок проедем и дом будем смотреть. Не хочу жить в скворечнике.

Она попробовала возразить:

— А мне нравится в квартире. Все благоустройства под боком.

— Я не в сарай селить тебя собираюсь. Сама потом поймёшь. Где братва заночует, где гости приедут. Я отвечаю за твою безопасность.

Вот возможность узнать подробности её покупки, но спрашивать страшно. Вдруг стопроцентная правда, что продал не кто-то со стороны, а…

Она тяжело вздохнула. Качан понял по-своему. Хмурое лицо и попытка приободрить.

— Не переживай так. Привыкнешь, полюбишь. Я неплохой. Ребята у меня борзые, резкие, но тебя не обидят, даже не думай.

— Я знаю…

— Что? — широкая бровь взлетела вверх.

Она говорила то, в чём была уверена:

— Ты им не позволишь.

Не для того он её охранял. Неизвестно, сколько его людей постоянно находятся рядом. Нужно внимательнее смотреть на прохожих.

Николай рассмеялся.

— Обижать тебя могу только я! Зря делать этого не стану.

— Внимательный взгляд в зеркало и решительное: — Изменишь — убью!

Она не знала, смеяться или плакать, но во всём нужно искать положительное.

— Мы летим в Москву? — развеяться после пережитого в Турции можно и дома.

— Да! — резкий, однозначный ответ. — Была хоть раз в «Метелице»?

— Нет, — со вздохом.

Ничего хорошего в казино не могло происходить. Быть проигранной ещё раз не хотелось.

— Посмотришь. Там весело. — Качан нахмурился, заметив безысходность в серых глазах. — Я редко играю, не игроман, не думай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.